

* * *

Ах, эта ночь!
И послевкусье на губах,
Что робко ветер целовал
в ночи.
И влажный взор, блуждая, замирал в снопах,
Рассыпанных луной на блик чернил.
Волшебный звук сплетал венком слова в стихах.
А ветер всё шептал:
– Молчи, молчи.
Ах, эта ночь! Она бродила, как вино,
А где-то вздохи саксофон ронял в окно.

* * *

Ветер, трассирующий снег –
Жёсткий, колючий.
Жизни потрёпанный текст.
Где же ключик?
Ключик золотой,
А, может, серебряный?
А, может, совсем-совсем простой –
Не помню...
Обронен.
От счастья.
Утро в тумановых снах,
День не лучше.
Скоро опять весна.
Может, случай?
Ключик вернёт.
Ключик золотой,
А, может, серебряный,
А, может, совсем-совсем простой –
Мой
Заветный ключик.
От счастья.

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Капли с крыши... Тихо... Слышишь?
Ропот звёзд в мерцанье тает.
И луна за тучкой слишком
Смущена, как молодая.
У зеркал озёр весенних,
Скинув зимние одежды,
Март купается...
В беседке
Ты и я и кто-то между.
Вновь тоска во мне кочует
Ни в строку, ни в слово лыко.
Это лютых зим причуда
Обострением прилипла.

ШЁПОТ

В пустых глазницах бытия
Мелькнёт надежды луч
случайный,
Как лань. Запутанный в тенях,
Смыкаясь в бездне
вечной тайны,
Шепнёт чуть слышно:
– Всё не зря.

Не зря беснуется метель,
Не зря изъели мысли полночь,
И звёзд на небе карусель
Не зря на бархате чёрном.
И сны, и тополиный пух
Луна роняет тихо в лужи.
Скупое таинство разлук.

И сны, и тополиный пух
Луна роняет тихо в лужи.
Скупое таинство разлук
Дарует влажный блеск жемчужин.

И легкомысленно в апрель
От стуж и тьмы – на босу ногу
Душа моя бежит за ней,
За ланью белой огнерогой.

А шёпот никнет на карниз,
Как знойный пух иль снега нежность.
В бездонной пустоте глазниц
Сокрыта света неизбежность.

* * *

Кроной деревья падают
В тишь небес,
Корни взлетают вниз.
Ночь под лунной лампадою.
Нежно ласкающий бриз
Твоих поцелуев.
День смеётся ромашково,
Звон цикад.
Крылья – белой рубашкою.
Тонут в белых цветах
Твои поцелуи.
Кроны, алеет закат,
Луг в слезах.
Крылья белой рубашкою
Тихо плывут в облаках
Твоих поцелуев.

* * *

Подкинь огня в камин
моей души!
Куржак охватывает раны.
Колышет сны
лиловый крепдешин,
Спадая в ночь,
как парус рваный.
Немеет стынью тишины окно,
И темень ветхой дрожи ближе,
Касаясь, льнёт к стеклу.
Как за сукном,
Твой голос тихий я не слышу.
– Огня подкинь!
– А, впрочем, всё равно!

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Бумажный кораблик судьбы,
Картонное серое счастье
Размокло давно. Голубым
Взбугрилось немое запястье.
И что-то на сердце щемит,
Скрываясь
в крахмальную млечность.
Луна, как стареющий мим,
Печально
взирая на вечность,
Бубенчиком ранит рассвет.
В кроваво-карминовой раме,
Минувшего эхом задет,
Кораблик качнул парусами.
Встаю на холодный паркет,
Оконно рассвет оквадрачен.
И каменных джунглей корсет,
Сжимаясь, готовит экзамен.